

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ СТАЛИНСКАЯ ЭПОХА

Много нового, небывалого прежде, неведомого в истории являло миру и человечеству наша страна за три десятилетия своего существования.

Умелой и твердой рукой бросал сеятель чудесные зерна посевов. Буйными вихорами поднималась нива на нашей земле. И это происходило и происходит повседневно, потому что сеятель этот — партия Ленина — Сталина, партия большевиков.

Новым, неведомым ни одному народу, ни одному государству, кроме нашего, явился и воспитанный у нас тип верного исполнителя народной воли, государственного человека, политического деятеля.

Десять лет назад Иосиф Виссарионович Сталин, выступая на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы, дал самую яркую, исчерпывающую характеристику этого нового типа людей, обещавших высоким доверием народа и воспитанных партией большевиков и советской властью.

«Избиратели, народ», — говорил товарищ Сталин 11 декабря 1937 года, — должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своего звания, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин, чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин, чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин, чтобы они были также мудры и историчны при решении сложных вопросов, где нужна восторженная ориентация и восторженный учет всех плюсов и минусов, какими был Ленин, чтобы они были также правдивы и честны, какими был Ленин, чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин».

Высокою мерой предложил нам товарищ Сталин измерять достоинства наших избирателей. И именно благодаря тому, что мы признали эту высокую меру, благодаря тому, что генерально характеризовали товарищем Сталиным образ стал коммунистическим маяком для каждого нашего политического деятеля, у нас выработался новый тип государственного руководителя, являющегося одновременно и вожаком своего народа и верным его слугою.

Воспитывать в себе те черты, что проявились в таком великодушном, беспримесном полнокровии и яркости в политической деятельности великих творцов нашего государства — Ленина и Сталина, — вот первейшая заповедь и высший идеал каждого из народных избранников.

В нашей стране дела народа и депутата едины. И народ, удостоивший своего избранника высшим доверием, требует от него прежде всего партийной страстности и самоотверженности в труде. Народ требует от своего депутата, чтобы, выполняя полученные им наказы, он свято помнил слова товарища Сталина и стремился в повседневной своей работе следовать великим примерам.

На постоянной ответственности депутата перед своим избирателем зиждется наша демократия. И именно потому она, и только она, может быть названа по праву подлинной демократией, истинным народоуправлением, при котором облеченный властью избиратель осуществляет действительную волю своих избирателей, ничем не помехая ей и не искажая.

Десять лет назад товарищ Сталин напомнил избирателям:

«Если взять капиталистические страны, то там между депутатами и избирателями существуют некоторые своеобразия, а бы

строгого отношения. Пока идут выборы, депутаты загрызают с избирателями, лебезят перед ними, кланутся в верности, дают кучу всяких обещаний. Выходит, что зависимость депутатов от избирателей полная. Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, — отношения меняются в корне. Вместо зависимости депутатов от избирателей, получается полная их независимость. На протяжении 4-х или 5-ти лет, т. е. вплоть до новых выборов, депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей. Он может перейти из одного лагеря в другой, он может свернуть с правильной дороги на неправильную, он может даже зачлуняться в некоторых махинациях не совсем потребного характера, он может курьезничать, как ему угодно, — он независим».

Сколько наглядных подтверждений этому видим мы ежедневно в событиях, происходящих на Западе и за океаном!

Двухлетняя история правления лейбористов в Англии — история циничного обмана депутатами своих избирателей.

Скандальные аферы, связанные с именами американских сенаторов, — лучшая иллюстрация того, как трактуется депутатская «независимость» в стране самодержавного капитала.

Дела социал-предателей, получивших благодаря своему красноречивому депутатскому мандату из рук французских и итальянских избирателей, показывают, как может оплевать народное доверие подлец, которого ничто не связывает с интересами собственного народа.

Нет, у нас подобное невозможно. Избранник советского народа чужд личной выгоды и пустого тщеславия. К высочайшему званию депутата он пролагал себе путь не громким титулом, не деньгами, не шумихой, подбитой наемными болтунами. Только делами, совершенными во имя народного блага, можно заслужить доверие советских избирателей и право на депутатский мандат.

Наш депутат является верным слугой своего народа. На протяжении всей своей деятельности депутат находится под неослабным контролем своих избирателей, не становится независимым от них.

Недавно в одной из газетных корреспонденций рассказывалось о том, как колхозники отказались выдвинуть вновь кандидата в депутаты председателя своего сельсовета. Это было неподалеку от Москвы, в селе Гадышино Буинского района.

На собрании колхозников председателя критиковали не только за конкретные промахи в его работе. Его отказались выдвинуть вновь прежде всего потому, что по самому складу своего характера он никак не подходит под наши представления о том, каков должен быть избранник народа.

— Без души, без огня работает Масленкин, — сказала о нем колхозница-комсомолка. — Молодой человек, а холодный, как старик.

Другой колхозник винил председателя в том, что он давно не читает книг, не учится.

Наконец, колхозница Клавдия Степанова выразила общую мысль, сказав:

— Настоящим советским патриотом можно считать только того, кто всегда стремится вперед, кто трудится на своем посту горячо, страстно, не жалея сил для нашего великого общего дела. Таким людям мы отдадим свои голоса!

Таких горячих собраний было у нас много. И речи, произносимые на этих собраниях, как нельзя лучше показывая, насколько глубоко укоренились в народе мудрые сталинские указания, характеризующие черты человека, достойного доверия своего народа.

Этими сталинскими указаниями руководствуется каждый советский гражданин, направляясь к избирательным урнам, и каждый кандидат сталинского блока коммунистов и беспартийных.

В этом — вернейший залог нашего стремительного роста, непрерывного развития, постоянного движения вперед.

БЫСТРОЕ ВРЕМЯ

На днях зашел я в знакомую слесарню Андрею Иванову, с которым не выдвинуло меня. День был будний, но старика я застал дома в парадном костюме, при всех медалях и орденах. В разговоре, между прочим, спросил я Андрея Ивановича, за что наградили его орденом Трудового Красного Знамени.

— За Рансу Семенову, — с улыбкой ответил Андрей Иванович. Заметив мое недоумение, он пояснил: — Это у нас на заводе так называли реактивные снаряды, проще сказать, ар-асы. А я за войну этих снарядов ар-асов, может, сотни тысяч через свои руки пропустил!

Для меня было удивительно, что Андрей Иванович говорил об этих таинственных снарядах запросто, словно речь шла о самоварных трубах.

Я сказал Андрею Ивановичу, что за те десять лет, что мы не выдвинулись, он не только не постарел, но даже как будто стал моложе.

— Стареть не успеваю, родной мой, — ответил Андрей Иванович. — Время теперь стало какое-то быстро. Оглянуться не успеешь, и день прощ. Вот моя Кузминина так и говорит: «Пружинны-то в часах, мол, советские, сильные, вот они и гонят стрелки вперед...» Ну, мне время идет, вы уж не защите.

— А на какое торжество собрался, если не секрет? — спросил я.

— Я членом окружной комиссии по выборам состою. Сегодня Владимира регистрировать будем. Кандидатом в депутаты райсовета.

— Какого Владимира?

— Да нашего же Володю, — сказала Кузминина, понимая кружевную козыньку. — Помните, когда вы у нас последний раз были, он еще в школе учился. Перед самой войной институт закончил. Бердича взял и обратно на завод. С отцом вот работает...

Мы говорили о событиях последних лет, но тема нашей жизни и удивляла ее стремительности.

— Была мы с Кузмининхой как-то в театре, смотрели «Враги» Горького. Так вот там есть такой — Николай Скрябин. Помните, как он про нас, про рабочих, вы-

раздался: что, мол, могут эти люди нести с собой? Ничего, кроме разрушения.

— А эта Татьяна Бардина еще злая, — перебила Кузминина. — Не мол, когда говорит про рабочих, как о переломных людях, то очень мне это странно слышать...

— Скрябины эти и сейчас про нас за границы не выйдут, что говорят, — продолжал Андрей Иванович. — Злятся, потому что дела их из рук вон плохи. А мы в гору идем! Я недавно вот что прочитал в газете. Наш советский шахтер Борискин поехал в Болгарию. Пришел на шахту, смотрит, как там работа идет. Стоит, и чудно ему смутить — обухом люди уголь добывают. Привык он дома на машине работать, а тут — обухом! Болгары, они тоже, конечно, стараются свою жизнь по-новому наладить, у них шахты тоже — народные, ну а машин-то у них мало, уголь пока, отсталая у них техника. Да... Взял Борискин обухом болгарский и давай выкалывать. Ихний-то, болгарский станахонец, рядом рубит, взо всех сил нажимает, на десяти пятистах пропентов набурив уголь. А Борискин набурив на полторы тысячи пропентов! Они тут и ахнули! Вот это, мол, советская работа...

Андрей Иванович помолчал и тихо добавил:

— Всем людям есть чему поучиться у нас. И мы все научим, как надо жить и работать. Вы на какую высоту поднял нас товарищ Сталин!

...Старый слесарь очень верно подметил одно из достоинств нашего рабочего класса за последние десятилетия. Наши люди стали учителями трудовых масс других стран, завоевав право на это своим сознательным социалистическим трудом, своей передовой идеологией, величайшей организованностью и высокой культурой.

Советский рабочий Борискин пришел в болгарскую шахту как радостный вестник нового мира, творимого миллионами советских людей. Ветущая сила советского общества — рабочий класс СССР возглавляет ныне движение трудового человечества к коммунизму.

Гений великого Сталина сделал наших советских людей движущей силой истории.

В. ИЛЬЕНКОВ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 62 (2377) Среда, 10 декабря 1947 г. Цена 40 коп.

БЕСЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Оторвать ребенка от родной семьи, от своего дома — жестоко. Насильно лишить ребенка родины, вырвать его из среды своего народа, заставить забыть родной язык, звучание материнской песни, цвет родимого неба, шелест листьев и говор лесного ручья, — это уже не просто жестокость. Это бесчеловечность, навеки калечащая детскую душу, опустошающая ее невозвратимо.

О жестокой, уродливой системе английского воспитания страстно и гневно рассказывал миру Чарльз Диккенс. Позднейшие английские газеты и книги не раз утверждали, что эта система во многих своих деталях дошла до нашего времени. Узнавая об этом, мы могли лишь печалиться и сочувствовать. Что подается — это внутреннее дело британцев...

Но сейчас мы видим, что бесцеремный мистер Сквирс носит теперь форму британского офицера и занимается своей деятельностью на европейском континенте. Мы видим, наконец, что старуха Браун, ворующая детей, стала ныне майором британской королевской службы — она зовется мистером Модлей и ловит в свои сети уже не беззащитную Флоренс Домби, но

десятки и сотни детей, познавших и без того ужасы и невзгоды войны. Дела диккенсовских сквирсов и им подобных блещут перед холодной жестокостью их потомков.

Узнав об этом, мы уже не только печалимся; мы возмущены до глубины души.

Среди детей, оторванных от родины и насильно заключенных в «приюты» Боннии, есть наши, советские дети, вывезенные туда немцами, собиравшимися воспитать из них покорных рабов.

Современные мистры сквирсы надеются осуществить неудавшийся замысел Гитлера. Они лишают наших детей родного крова, семьи, родины.

Это уже не внутреннее дело господ британцев. Стенограмма, печатаемая «Литературной газетой», рассказывает о бесчеловечном преступлении, совершаемом против наших детей, против идеалов демократии, против человечества.

И мы требуем, чтобы этому преступному делу был положен конец, чтобы советские дети были вырваны из рук кровожадных злодеев.

ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ,

состоявшихся между полковником Брюхановым и представителями военной администрации 223 района в детском доме гор. Ханненкле, в английской зоне оккупации Германии. Переговоры происходили по инициативе советской стороны 7 октября 1947 года с 14 часов 45 минут до 16 часов 20 минут

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

С советской стороны: 1. Полковник Брюханов, 2. Подполковник Гудков, 3. Лейтенант Перфильев, 4. Переводчик Рапопорт, 5. Г-ра Латвийской ССР Мейнертс.

С английской стороны: 1. Сопровождающий — майор Модлей, 2. Заведующая детским домом (она же врач) Утенанс, 3. Администратор Утенанс, 4. Начальник 57 декаса мистер Сэтнем и представитель 223 района военной администрации Харрей (прибыли во время второй половины переговоров).

7 октября 1947 года в 9 часов утра полковник Брюханов, подполковник Гудков, переводчик Рапопорт (в машинах остались лейтенант Перфильев и г-ра Мейнертс) посетили в гор. Ганновере заместителя начальника отдела перемещенных лиц мистера Мосса и последний разрешил им пообщаться в детском доме в гор. Ханненкле.

В 14 часов все перечисленные выше лица прибыли в город Ханненкле (в 75 км. юго-западнее Брауншвейга) в 57 декаса, откуда после 40-минутного ожидания начальника декаса мистера Сэтнемем направился в детский дом в сопровождении английского офицера майора Модлей.

В одной из комнат детского дома, после взаимных представлений, в 14 часов 50 минут состоялись следующие переговоры.

Полковник Брюханов: Со мной прибыла г-ра Мейнертс, дочь которой находится в этом детском доме. Английские власти ее не отдают матери в течение шести недель. Я прошу ее предупредить вестить эту девочку, чтобы посмотреть, узнает ли она свою мать.

(Заведующая детским домом Утенанс входит в комнату девочку, закрывая ей лицо руками. После того, как девочка открыла глаза, она с криком «мама» бросается к Мейнертс; та плачет).

Полковник Брюханов: Господин Модлей, я полагаю, что нет сомнений в том, что эта девочка знает гражданку Мейнертс как свою мать и должна быть с ней.

Майор Модлей: Я согласен.

Утенанс: Мы все это говорили, но английские власти не разрешили нам передать девочку.

Полковник Брюханов: Фиксируем, что Ная действительно знает Мейнертс как свою мать и должна быть с ней.

В. С: Согласен.

Мейнертс: Мы привезли детям от женщин советского сборного пункта в Брауншвейге 91 подарок. Прошу разрешения администрации раздать эти подарки.

Майор Модлей: Согласен.

Полковник Брюханов: Я думаю, что мы можем разрешить матери и дочери уйти и вести наши дальнейшие переговоры без них (Мейнертс с дочерью уходят). В Латвийской ССР разыскивают детей, вывезенных немцами. Я получил список с фамилиями разыскиваемых детей. Прошу сверить наш список с вашим списком.

Майор Модлей: Мы затревожили для этой цели список, давайте сверять. (Сверяют список. В результате сверки список, представленный советской стороной, подтверждается, за исключением ошибочно записанной девочки Андреевой Александры, правильно — мальчик Андрей Александр).

Полковник Брюханов: Я хотел бы знать, какие меры принимались в розыск родителей и родственников этих детей?

Утенанс: Мы ничего не предпринимали. Это дело не наше, а ИРО (Международная организация по делам беженцев).

Полковник Брюханов: Я оставляю за собой право осуществления моих вполне законных требований. Прошу показать мне детский дом.

(Обходят все помещение. Дети в это время были выведены во двор. После обхода возвращаются в комнату, где продолжается разговор).

Полковник Брюханов (обращаясь к Утенанс): Прошу пригласить сотрудницу, которая вместе с детьми была вывезена немцами из Риги.

Сэтнем: Если она захочет говорить...

Полковник Брюханов: Г-н Сэтнем, она обязана рассказать историю этого детского дома, и я требую этого.

Утенанс (возвратившись): Этой сотруднице нет, она ушла в город.

Полковник Брюханов: Я же просил вас, Утенанс, предупредить ее, чтобы она никуда не уходила.

Утенанс: Да, но она ушла.

Полковник Брюханов: Тогда прошу позвать сюда гражданку Мейнертс. (Входит Мейнертс).

Полковник Брюханов: Гражданка Мейнертс, вы давно работаете в этом детском доме?

Мейнертс: Да, еще тогда, когда он находился в Риге.

Полковник Брюханов: Скажите, детский дом был вывезен из Риги по желанию персонала?

Мейнертс: Нет. Немское командование приказало под угрозой расстрела выехать в Германию.

Полковник Брюханов: Вы также уехали с детьми?

Мейнертс: Да, я находилась с детьми в этом детском доме до августа 1947 года.

Полковник Брюханов: Не можете ли вы сказать, какие меры принимались в розыск родителей этих детей?

Мейнертс: Никаких.

Полковник Брюханов: Кто Вам запретил взять с собой Вашу дочь, когда Вы решили уйти на советский сборный пункт, чтобы вернуться на родину?

Мейнертс: Администрация дома и английские власти.

Полковник Брюханов: Скажите, гражданка Мейнертс, не знаете ли Вы родителей и родственников этих детей, находящихся здесь?

Мейнертс: У большинства детей имеются в Риге родители и родственники. И я, когда приеду, помогу их разыскать.

Полковник Брюханов (обращаясь к английчанам): Я должен зафиксировать и вестить в наш протокол следующее:

1. Этот детский дом по приказу фашистско-немецкого командования насильственным образом был вывезен в Германию.

2. Большинство детей имеет родителей или родственников, которые проживают сейчас в Латвийской ССР.

3. В течение двух лет администрацией дома и английским командованием не было ничего предпринято, чтобы разыскать родителей и родственников этих мальчиков.

4. Наш советский список детей сходится со списком детского дома.

5. Вопреки гуманным целям, которые мы преследовали ускоренным розыском родителей детей, английские власти запретили нам фотографирование.

6. Несмотря на то, что девочка Ная знает гражданку Мейнертс, как свою мать, свыше шести недель английские власти не отдавали ребенка матери. Я прошу вас, представителей английского командования, зафиксировать это.

Сэтнем: Да, но мы действуем на основании инструкции.

Полковник Брюханов: А я оставляю за собой право действовать в благородных целях.

На фронтах национально-освободительной борьбы КИТАЙ

Штаб Объединенной демократической армии в Маньчжурии опубликовал итоги осеннего наступления этой армии.

За период с 14 сентября по 1 ноября освобожденная территория Маньчжурии была расширена на 38 400 квадратных километров с населением в 2 600 000 человек. Гоминдановцы потеряли около 70 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Части Объединенной демократической армии полностью разгромили три дивизии и 11 полков врага, захватив богатые трофеи.

В провинции Хэбай Народно-Освободительная армия продолжает охватывающее наступление на Баодин. Сильное сражение идет в районе между Баодином и железнодорожной станцией Ванду, расположенной в 35 милях южнее Баодина. Главные силы Народно-Освободительной армии наступают на пункт, расположенный в 5 милях юго-западнее Баодина. Отдельные отряды войск Народно-Освободительной армии завязали бои в юго-восточных окрестностях города.

По сообщению шанхайской печати, войска Народно-Освободительной армии, принимающие участие в битве за Баодин, насчитывают до 100 тысяч человек. В конце ноября Чан Кай-ши прибыл в Баодин для личного руководства военными операциями в треугольнике Бэйпин — Тяньцзинь — Баодин.

В провинции Шаньдун войска Народно-Освободительной армии овладела Гаомин — железнодорожной станцией близ морского порта Циндао и ведут бои на внешних подступах к городу.

После занятия железнодорожных станций Цзюэсюэ и Гаомин территория Шаньдунского полуострова обрелась к освобожденным районам Северного и Центрального Китая. Гоминдановские войска прижаты к узкому участку фронта на побережье в районе Лункоу — Чифу — Вэйхайвай, а также изолированы в двух уездных городах Ляйян и Файан. Пути отступления гоминдановцев полностью контролируются частями Народно-Освободительной армии.

В южной части провинции Хэнань идут ожесточенные бои. Гоминдановские солдаты, принимающие участие в сражении, обучены и снаряжены американцами.

В северной части провинции Шаньку в течение последних трех месяцев войска Народно-Освободительной армии занято 169 населенных пунктов и освобождено свыше 1 000 квадратных миль территории. Захвачено в плен 27 тысяч гоминдановских солдат и офицеров.

Агентство Синьхуа передает, что в Чжоу (провинция Шаньдун) восстал один из взводов реорганизованной гоминдановской дивизии. Повстанцы прорвали гоминдановский кордон и перешли на сторону Народно-Освободительной армии.

Собрания сочинений классиков

Гослитиздат осуществляет 23 издание собраний сочинений классиков русской и иностранной литературы и литературы народов СССР. Часть этих изданий будет завершена в 1948 году.

В предстоящем году выходят: два последних тома четвертомтомного собрания сочинений Лермонтова, включающие прозаические произведения поэта, четыре заочных тома собрания сочинений Салтыкова-Щедрина (7-томное издание), два тома собрания сочинений Горького, содержание роман «Жизнь Клима Самгина», IV и XII томы сочинений Маяковского («Окна Роста» и материалы к биографии поэта).

Вдут выпущены последние книги собрания сочинений Гейне (в 12 томах), Гёте (в 13 томах), Фюлера (в 10 томах) и Мопассана (в 13 томах).

В 1948 году выдут четыре тома произведений Некрасова, четыре тома Чернышевского, два тома Франко, последний том художественных произведений и четыре тома писем Чехова, пятый том Шиллера, седьмой — Шекспира, два тома Стендаля.

Изательство приступит в будущем году к выпуску новых собраний сочинений писателей. Среди них — шеститомное собрание сочинений В. Брюсова. В первые три тома войдут стихи, напечатанные при жизни поэта, а в приложении — стихи, опубликованные после его смерти, и неизданные произведения. Остальные тома посвящены прозе, избранным статьям, автобиографии и воспоминаниям поэта.

Начинается издание шеститомного собрания сочинений Тараса Шевченко. Произведения поэта будут предосланы вступительная статья А. Корнейчука и критико-биографический очерк А. Дайча. Угнет том, включающий прозу Шевченко, откроется статьей академика А. Беленького.

Начато издание пятитомного собрания сочинений А. Микшиевича. В планах издательства — избранные произведения Герцена в трех томах.

В будущем году Гослитиздат выпустит ряд новых однотомников русских классиков.

Слан в печать однотомник произведений Пушкина объемом в 110 печатных листов. В книгу вошли: почти все лирические стихи Пушкина, все поэмы, «Повести Белкина», сказки, драматические произведения, критические статьи, отрывки из дневников и т. д. Общая редакция принадлежит покойному М. Цыганову.

В однотомнике произведений Гончарова, выходящем под редакцией Н. Писанкова, — три романа: «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв».

Однотомник произведений Маяковского (общая редакция Н. Асеева, Л. Маяковской и В. Перцова) содержит лирику, поэмы, драмы и прозу. Его объем — 60 печатных листов.

ПОДАРОК УРАЛЬСКИМ РАБОЧИМ

Недавно в горах Южного Урала открылся Дворец культуры уральских рабочих. Это величественное здание построено по проекту московского архитектора М. В. Брашневой. Дворец возвышается на горе. Широкая лестница, украшенная ленинскими вазами, ведет от парадного входа к подножию горы. Внизу разбит большой парк.

Это — подарок Министерства Вооруженных сил СССР рабочим Уральского ордене Ленина машиностроительного завода, героически трудившимся в годы войны. И богатый подарок!

Театр на 800 мест, лекторий, библиотека, шахматная комната, охотничья комната, читальный зал, физкультурный зал, кафе, многочисленные комнаты отдыха.

Почти два года большой коллектив московских художников работал над внутренним оформлением дворца. Мономентальная роспись стен, орнаментика, лепка, картины, фриз, скульптура, люстры — все здесь отделано любовно и тщательно.

Стенная живопись выполнялась при участии старейшего русского монументалиста профессора Н. М. Чернышева. Особенно интересен его фриз в большом зале фойе дальной и 50 метров на тему: наука и искусство страны Советов.

Специально для Дворца уральских рабочих крупные советские художники писали картины. Так, зал, посвященный великому прошлому русского народа, украшен полотном Г. Н. Горелова «Призыв Минина», зал, посвященный Великой Отечественной войне, — картиной «Победа» А. В. Минина.

Плафон лекционного зала украшен портретами русских писателей работы художника И. С. Соболева. Большое впечатление производит картина художника И. М. Литвинского «Тыл».

Хороши уральские пейзажи художника Я. Д. Ромаша и В. В. Мешкова.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ГРАЖДАНЕ АМЕРИКИ

Николай ПОГОДИН

Грядущая Америка

Заговор против демократии состоялся еще при жизни Рузвельта. Иначе как мог Гувер через каких-нибудь полтора месяца после смерти президента столь беззастенчиво и свободно появиться в Белом доме по приглашению Трумэна? Здесь давно уже все было готово для новых дружеских встреч.

Если Гувер ненавидел политику Рузвельта, а войну Америки против германских и японских империалистов считал преступной, то Труман, как известно, боролся вслух о бесконечном истреблении народов Европы: «Пусть побольше убивают друг друга». Ни Труман, ни Гувер никогда не отказывались от своих членовеннических взглядов.

При Гувере, когда тот был президентом, Уолл-стрит управлял Америкой. При Трумэне Уолл-стрит готовится управлять миром. Дело стало только за тем, чтобы как можно скорее пустить в ход нужных людей. Первым явился Гувер.

Это не простая фигура, не пешка. Нет! Недаром в Америке люди прогрессивных взглядов с тревогой и неприятием говорят об этом бывшем президенте.

С чего начинается Гувер? Или Труман? Или, вернее, Гувер—Труман?

У Уолл-стрита существует окончательное сформулированное мнение о том, что «Рур это — долина рения». Нынешний президент Труман командует в Европе бывшим президентом Гувера обеспокоить германскую проблему. Гувер, вернувшись из Германии, предлагает Труману сделать Рур «долиной рения».

Потому Уоллес и заявляет в своих речах о том, что нынешняя американская внешняя политика руководствуется идеями Гувера. А это идеи Уолл-стрита, это идеи мирового господства, это идеи поджигателей войны.

Можно назвать других лиц, но получится очень длинный список крупных капиталистов, биржевых, банкиров, спекулянтов — военных, экономистов и консултантов Уолл-стрита, составляющих мозг и силу великодержавной корпорации Трумэна. Нет нужды перечислять все имена, достаточно назвать одного Гувера в Белом доме, чтобы понять, что надеждам и чаяниям прогрессивных людей на прочный и демократический мир грозит завоевательная опасность.

Простые люди в Америке, попросту говоря, стали думать о том, что не за идеи же Гувера сражались и умирали американские юноши. Никто американцам до тех пор не говорил, что Рур должен опять сделаться «долиной рения», а это на общепонятном языке означает решение о подготовке новой войны.

Они верили в Объединенные нации, они свято чтят память Сталина, но отравительная пропаганда оскорбляла эти великие понятия. И достаточно привести здесь лишь одну фразу сенатора-демократа Тейлора, чтобы понять настроения этих людей:

Из последней речи Франклина Д. Рузвельта

«Мы, американцы, не пытаемся отрицать свою ответственность. Мы не таковы, чтобы отказаться от своей решимости добиться того, чтобы в течение жизни наших детей и детей наших детей не было бы третьей мировой войны.

Мы ищем мира, длительного мира... Мы хотим довести конец началу всех войн — да, конец этому жестокому, бесчеловечному и всецело бесполезному методу разрешения разногласий между государствами... Мы должны сделать все, что только можем, чтобы покончить с сомнениями и страхом, невежеством и жадностью, делающими возможным этот ужас.

...Мы должны культивировать науку человеческих отношений, делаящую возможным для всех без различия народов мирно жить и трудиться совместно в одном и том же мире».

Рисунок американского прогрессивного художника Гроппера.

ТРУМЭН И УОЛЛ-СТРИТ

Альва БЕССИ

Под знаменем Линкольна

С тех пор, как окончилась война против фашизма, союзники стали нашими врагами и враги стали нашими друзьями. Слово «наш» в этом контексте относится не к огромному большинству американского народа, а лишь к той маленькой кучке, которую Владимир Ильич Ленин называл исполнителем комитета буржуазии, кучке, которая узурпировала права американского народа и осмелелась говорить от его имени.

У этой кучки узурпаторов слова «бригада Авраама Линкольна» немедленно вызывают вполне определенную реакцию. Когда мы сражались в Испании, хертовская пресса называла нас «подонками общества» и «отбросами международной марксистской шайки». Ныне мы составляем одну из более чем 250 американских организаций, чьи реакционеры огулом именуют «красными». И мы, действительно, разделяем со всеми остальными организациями их стремление расширить и укрепить демократию в Америке и во всем мире.

Большинство из нас стало вполне объективно относиться к тому, что мы делали в Испании и что попрежнему стараемся делать. И мы никогда не имели повода стыдиться того, за что боремся и чего надеемся достичь общими усилиями.

Мы также никогда не стыдились того, что немалая часть людей, входивших в «бригаду Линкольна», принадлежала к коммунистической партии, ибо мы знаем, что репутация, завоеванная коммунистами во всем мире, не нуждается ни в защите, ни в оправдании. Во всех странах, завоеванных и поработанных фашизмом, именно коммунисты являлись вдохновителями народного сопротивления. И во всех странах, где фашизм был наголову разбит, преданность коммунистов идеалам демократии была вознаграждена всенародным избранием этих борцов на высшие государственные посты.

Высокая честь принадлежит к «бригаде Линкольна» — боевой организации, которая насчитывала в своих рядах таких выдающихся деятелей:

Альва Бесси, американский писатель и сценарист, был в свое время одним из политических комиссаров «бригады Линкольна», сражавшейся в Испании против митингов Франко и итапо-германских интервентов. Ныне он принадлежит к числу тех прогрессивных работников Голливуда, которые привлекаются к судебной ответственности за отказ дать показания комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Мы публикуем статью Альва Бесси, напечатанную в американском журнале «Нью-массес».

дело 700 оставшихся в живых членов бригады вступили в американскую армию в минувшую войну и еще около 300 человек служили во флоте, вновь испытав — на этот раз под своим собственным флагом — всю тяжесть и всю радость боев против фашизма. Продолжая борьбу за это дело, оставшиеся в живых делают теперь, в дни «мира», каждый в своей области все, что только в его силах, чтобы спасти нашу собственную страну от фашизма.

Неоспоримо, что в трехлетней борьбе испанского народа, взбудоражившей совесть всего мира, была и наша скромная доля. Несмотря на то, что мы чувствовали — и в Испании, и после нее, — что мы сражались за Америку, за нашу собственную страну и ее будущее. И хотя официальная история еще не признает этого, им придется все же это сделать.

Мы гордимся тем, что оставшиеся в живых борцы за свободу испанского народа получили в Польше и Югославии все права от демократических правительств этих стран — к ним относятся с тем же уважением, как и к ветеранам войны против гитлеризма. И если в нашей собственной стране мы не получили такого признания, — это не вина нашего народа и нас это не беспокоит.

Борьба продолжается, и неслучайно колличество безвестных борцов за лучшие американские традиции. Это — профсоюзный работник, избитый в маленьком городке, коммунистический организатор, которому пытаются зажать рот, негр, находящийся под угрозой линча в его собственном доме, домашняя хозяйка, борющаяся против безудержной спекуляции, это — демобилизованный солдат, протестующий против жилищного кризиса, мужчины и женщины в забастовочных шпикетах, американцы мексиканского происхождения, восстающие против ограничительных распоряжений... Все они имеют равное право на имя Линкольна, и Линкольна был бы горд тем, что они избрали его имя, как знамя, под которым они борются.

В борьбе за это дело около 1800 американских добровольцев терпели лишения и приняли смерть в Испании. В борьбе за это

ПЕРЕДОВЫЕ ПИСАТЕЛИ США

М. МЕНДЕЛЬСОН

В активе американской прогрессивной литературы сороковых годов нашего столетия числится ряд интересных книг. Их авторы: Теодор Драйзер, Энтон Синклер, Гоуард Фаст, Синклер Льюис, Альберт Мальц, Лиллан Хелман и другие. Как бы то ни было, приходится делать в отношении идейно-художественных качеств некоторых произведений, написанных этими писателями, несомненно одно: именно среди этих романов и пьес, именно в творчестве прогрессивных писателей нужно искать все то ценное, что дает американская литература наших дней.

В подавляющей своей массе книги, выпускаемые в настоящее время в США и усиленно продвигаемые с помощью обильной рекламы «Клубов книги», стремятся отравить сознание американцев. Это романы, повести, пьесы, которые уводят читателя от острых проблем современности, внушают ему неверие в возможность успешной борьбы за передовые, освободительные идеалы, пропагандируют шовинистические, экспансионистские идеи, воспитывают американцев в духе жестокости, готовности к насилию.

Лучшие произведения передовых американских писателей в основе своей враждебны капиталу, на которых строится литература, обслуживающая интересы американских монополистов. Пафосом прогрессивной литературы является страстное обличение практики современного американского капитализма, все чаще она рисует американцев, способных на активную борьбу против гнета реакции.

Драйзер закончил перед смертью два новых романа. В прошлом году был опубликован роман «Оплот», в котором Драйзер показывал трагические переживания человека, попавшего, что он живет во враждебном ему мире лихорадки. Недавно появилось сообщение о предстоящем выходе в свет книги Драйзера «Столк», представляющей собой заключительную часть «Трилогии желаний».

Энтон Синклер вот уже без малого десять лет работает над многотомной антифашистской эпопеей, действие которой развертывается, главным образом, в Европе в годы первой и второй мировых войн. В этих книгах немало наивных и ошибочных характеристик и суждений. Но Синклер направляет основной огонь против фашизма и реакционной буржуазии разных стран, которая помогла Гитлеру зажечь пожар второй мировой войны. В этом достоинство его романов. Во многих странах за пределами Америки Синклера рассматривают как одного из главных представителей современной литературы в США. Недавно в газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована корреспонденция из Афин, автор которой, раздувая всецело «новую роль Америки в качестве ведущей мировой державы», хвастает тем, что якобы греческая интеллигенция проявляет исключительный интерес к американской литературе. Во всей этой империалистической шумихе ничего нового нет. Но показательно следующее признание упомянутого нами корреспондента: «В Афинах, этой столице крайнего правого правительства, наибольшей популярностью пользуются левые американские книги. Из американских писателей больше всего известен Энтон Синклер».

В годы второй мировой войны в Америке был издан исторический роман Гоуарда Фаста «Дорога свободы», повествующий о борьбе американских негров за равноправие после гражданской войны середины

Штатах. Наиболее ярким и сильным произведением о жизни негров в Америке, наряду с романом Фаста «Дорога свободы», является книга Синклера Льюиса.

Синклер Льюис не принадлежит к числу писателей, которые открыто солидаризируются с американским рабочим классом. В последние годы Льюис писал произведения, в которых звучали консервативные ноты, и американские буржуазные критики находили в его книгах немало достоинств. Но вот в середине этого года Синклер Льюис опубликовал роман «Кингсблад бойлз» — книгу о страшной жизни негров в Америке, о буржуазии из северных штатов, скрывающей под маской либеральной инстинкты раболовства. Этот роман стоит в одном ряду с лучшими произведениями Льюиса, в некоторых отношениях он представляет даже шаг вперед по сравнению с ранними его книгами.

Льюис сделал героем своего романа обыкновенного американца, преуспевающего в делах и находящегося под полным влиянием буржуазной идеологии. Кингсблад даже неграмотен. Но вот однажды он узнает, что в нем есть капля негритянской крови. Привычной жизни мгновенно приходит конец. Кингсблад увольняется со службы, от него отворачиваются знакомые. Кингсблад — пария, отщепенец на собственной родине. Наконец, соседи Кингсבלда — зажиточные обыватели лучших кварталов типичного американского городка — решают, что ему пора отправляться на жительство в негритянский гетто. Однако Кингсблад поднимается на такой уровень сознательности, которого он никогда раньше не знал. Он отказывается повиноваться приказу. Бывшие приятели Кингсבלда переходят к угрозам, а от угроз — к делу. Они действуют испуганными фашистскими методами — ночью, на дом, в котором живет Кингсблад, нападают вооруженная толпа. Полиция на ее стороне. Кингсблад находит в себе мужество, чтобы взяться за оружие — вместе с белыми и чернокожими друзьями он дает отпор погромщикам. Об этом рассказывает в заключительной сцене романа, и это придает новой книге Синклера Льюиса особый смысл.

Сложными путями шел писатель к своей новой книге. Ему удалось создать роман большого социального звучания. Эта книга показывает, что, несмотря на разгул американской реакции, демократические элементы начинают осознавать свою силу. Передовые круги США обращаются к лучшим представителям американской литературы с призывом еще раз, еще определеннее сказать свое слово.

«Нельзя молчать!» — пишет журнал «Нью-массес». Да, нельзя хранить молчание в момент все усиливающейся травли лучших представителей американской литературы и кино. Нельзя отмахиваться, когда реакция в Америке открыто декларирует свое намерение встать на пути движения человечества к лучшему будущему, объявляет поход против величайших достижений цивилизации, готовит новую мировую бойню.

Нельзя построить подлинно художественную литературу на ложной, антигуманистической, реакционной основе. Лишь писатели, которым близки прогрессивные устремления демократических масс, чувствуют почву под ногами, видят широкие творческие перспективы. И будущее, конечно, за теми американскими писателями, которые всей душой ненавидят империализм и свой творческий труд посвящают великому делу борьбы за демократию.

Лишь писатели, которым близки прогрессивные устремления демократических масс, чувствуют почву под ногами, видят широкие творческие перспективы. И будущее, конечно, за теми американскими писателями, которые всей душой ненавидят империализм и свой творческий труд посвящают великому делу борьбы за демократию.

За мир

и демократию

Генри Уоллес,

бывший вице-президент США, видный общественный деятель.

«...Ни один прогрессивный деятель не может поддерживать правительство, постраивая политику которого строятся на поощрении реакции во всем мире, правительство, которое настаивает на увеличении вооружений, на всеобщем военном обучении и разжигает военную истерию».

В наши дни решаются вопросы величайшей важности, и либо мы встретим это, исполненные мужества, либо нам придется распахиваться муглами депрессии и войны... Настало время «вступить в бой!»

(Из статьи в журнале «Нью-рип-блук», 1947 год.)

Глен Тейлор,

сенатор.

«Одностороннее действие Соединенных Штатов нанесло большой ущерб организации Объединенных наций...»

(Из выступления в сенате. Декабрь 1947 года.)

«Я считаю, что коммунизм и свободный предпринимательский капитализм могут существовать в одном мире. Если мы откажемся от нашей политики силы и представим как России, так и всему миру иное свидетельство наших добрых намерений, — я думаю, что мы сможем предотвратить войну».

(Из выступления в Техасе. Ноябрь 1947 года.)

«Когда будет написана история этого периода, американская печать займет место величайших злодеев любой эпохи из-за своего подхода к русской проблеме...»

«Коротку комиссию по расследованию антиамериканской деятельности! Это самое антиамериканское, антидемократическое явление, которое когда-либо наблюдалось в Америке».

(Из выступления в Калифорнии. Сентябрь 1947 года.)

Альберт Мальц,

писатель и сценарист.

«Если для того, чтобы не быть заклейменным за «антиамериканизм», требуется разделять взгляды комиссии Томаса и Рейкина, деятельность которых подобна деятельности, проводимой Гейбелсом и Гимлером, — кто же, кроме членов Ку-Клукс-Клана, может считать себя находящимися в полной безопасности?»

«Я требую — и настаиваю на этом — права свободно мыслить и свободно высказываться, права вступить в любую партию — демократическую, республиканскую или коммунистическую, права печатать то, что я считаю нужным, подвергать необходимой критике любое должностное лицо и политический курс, права поддерживать те организации, деятельность которых я одобряю, независимо от того, что думают о них некоторые законодатели».

(Из резолюции перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Октябрь 1947 года.)

Голос прогрессивных профсоюзов

«Мир может быть обеспечен лишь в том случае, если США будут сотрудничать на дружественных началах со всеми нашими союзниками вместо того, чтобы восстанавливать германскую промышленность для новой попытки завоевания мира».

(Из резолюции исполкома профсоюза сельскохозяйственных рабочих. Ноябрь 1947 года.)

«План Трумэна—Маршалла — мероприятие крупных трестов, ответственных за принятие рабского закона Тафта—Хартли, предпринятое с целью распространить свое господство над экономической и политической жизнью других стран».

(Из резолюции исполкома профсоюза рабочих кожевенной и меховой промышленности. Ноябрь 1947 года.)

Обращение

22 профессора Иельского университета

«Приказ Трумэна о проверке лояльности — образец политики подавления, которая широко практикуется сегодня Федеральным правительством».

«...Преследование за различные убеждения в случае, если оно не прекратится, может достигнуть таких размеров, каких оно не достигало даже в самые мрачные периоды нашей истории... Страна может ожидать проявления расового, религиозного и любого другого фанатизма, и если ему будет позволено полностью развернуться, этот фанатизм может вызвать такую волну нетерпимости, которая полностью уничтожит гражданские права».

(Из обращения к Труману, Маршаллу и Мартину. Ноябрь 1947 года.)

Уолтер Дэвис,

22-летний ветеран войны, потравивший руку во время битвы во Франклин, при отказе заполнить анкету о «лояльности» заявил:

«Я воевал не за такое правительство».

(Из сообщения агентства Ассошиэтед Пресс. Ноябрь 1947 года.)

ПРОТИВ ЗАСТОЯ И РУТИНЫ

Нетерпимость к критике

В статье о книге профессора В. Виноградова «Русский язык» Б. Аганоу и Б. Зеллинского писали о некоем особом «сдвиге» лингвистов, отгораживающихся от жизни и не допускающих в свой храм «непосвященных».

Когда мы присутствовали на заседании Ученого совета филологического факультета Московского государственного университета, где обсуждалась эта статья, мы почувствовали, что действительно попали в это «непроницаемое царство», «храм чистой науки», куда не допущены жиды голая современности. Здесь царят застой, рутинность и косность. Введем же читателей в это «царство» и посмотрим, что там творится.

В своем вступительном слове председатель кафедры русского языка профессор Р. Аванесов напомнил о том, что критика и самокритика — основной рычаг в развитии нашей науки. Но сказав об этом быстро, скорогорной, без особого вдохновения, как говорится, только для порядка. Это напоминание о критике и самокритике, как «мимолетное виденье», промелькнуло на заседании Ученого совета, не оказав, увы, никакого влияния ни на речь самого проф. Аванесова, ни на выступления большинства участников обсуждения.

Основной тон их речей — восторженно-аполотетический по отношению к проф. В. Виноградову и его книге «Русский язык». Но, может быть, члены Ученого совета хоть как-нибудь доказали, в чем, по их мнению, положительная роль этой книги в развитии советской филологии? Нет, этого не произошло. В восторженных юбилейно-именинных речах не было ничего, кроме самых общих слов, не подкрепленных деловыми, научными анализом книги.

Коллектив Московского университета, — заявил проф. Р. Аванесов, — справедливо оценил книгу Виноградова, как выдающийся труд по русскому языку, удостоив ее Ломоносовской премии.

Академик Виноградов не отрицался в том, когда наша армия сражалась с врагом, — в умелении воскалает доцент Е. Галкина-Федорук, — он читал лекции о мощи и величии русского языка.

Вот, пожалуй, и все основные доказательства того, что книга проф. В. Виноградова — «гордость русской филологии», «сокровищница мысли», как выразилась студентка Третьякова, повторяя слова своих учителей.

Едва только речь заходила о недостатках книги В. Виноградова, как ученые начинали изъясняться «темно и вло», туманно и даже загадочно.

В этой работе, — неуверенно сказал проф. Р. Аванесов, — могут быть недостатки. Я думаю, что серьезное изучение книги покажет ее слабые места, о которых мы сейчас и не знаем (!), так как никто не потрудился проанализировать ее. Недостатки, которые там, вероятно (!), есть, мы должны вскрыть, если не сегодня, то в дальнейшем.

Разве мы отрицаем, что книгу нужно просмотреть (!), — заявил доцент Е. Галкина-Федорук, — ведь она вышла в альброс. Начались экзамены, а потом лето. А разгадать это дело (имеется в виду книга В. Виноградова) быстро невозможно.

Не будем останавливаться на трогательной навязности этих заявлений, гораздо более уместны в устах школьников, чем ученых-лингвистов. Главное не в этом.

Если вы, уважаемые члены Ученого совета, даже не просмотрели книгу проф. В. Виноградова, если «никто не потрудился проанализировать ее», если в работе этой, «может быть», «возможно», «вероятно», есть «недостатки», «ошибки», «слабые места», то, во-первых, почему вы присудили этой книге Ломоносовскую премию, а, во-вторых, почему вы сейчас с таким энтузиазмом пытаетесь доказать, что труд проф. В. Виноградова — величайшее достижение советской филологии? Не лучше ли отложить все эти оценки до того времени, когда вы «просмотрите» и «проанализируете» работу?

На заседании Ученого совета было острое, предостерегающее выступление. Проф. Н. Глаголев заявил, что его не удовлетворил доклад Р. Аванесова и решение кафедры русского языка. Он отметил отсутствие серьезного теоретического разбора книги В. Виноградова и призвал лингвистов выступить на заседании с критикой ее. Сам проф. Н. Глаголев указал на ряд серьезных недостатков работы В. Виноградова — автор не обосновывает на марксистско-ленинской науке о языке, бесстрастно излагает взгляды самых различных ученых, в том числе и враждебных марксизму.

Но, к сожалению, проф. Н. Глаголев оказался в полном одиночестве на этом заседании. Последующие ораторы продолжали также восторженно превозносить книгу В. Виноградова, стараясь всеми правдами и неправдами защитить ее уже не только от Б. Аганоу и Б. Зеллинского, но и от проф. Н. Глаголева.

— Мне хотелось бы, — сказал проф. М. Петерсон, — чтобы мы сейчас не отклонялись в сторону от главного вопроса: о нашем отношении к статье в «Литературной газете». Другое дело (!), что у нас нет критики и самокритики. Это — второй (!) вопрос, которому нужно непременно посвятить эти две задачи было бы неправильно.

И вот совсем уж не с академическим жаром члены Ученого совета обрушились на статью Б. Аганоу и Б. Зеллинского. С недоумением и негодованием услышали мы, что в стенах Московского университета с барским высокомерием и презрением произносится слово «журналист».

— Как смеи «журналисты» критиковать академика, — вот основной лейтмотив, главная аргументация всех выступлений. Участников обсуждения больше всего раздражало то, что авторы статьи в «Литературной газете» критиковали проф. В. Виноградова за бесконечное количество иностранных слов и заумных ученых терминов, примененных в тех случаях, когда можно сказать просто и ясно.

Собственно, к этому и свелась весь разговор о статье Б. Аганоу и Б. Зеллинского. Наиболее анекдотическим было выступление аспиранта Архипова. Вся свою речь он вел на высших истерических тонах, то и дело пользуясь дешевыми демагогическими приемами в стиле старого провинциального адвоката. Нет нужды пересказывать всю эту речь, перешагнув за границы и ругательствами по адресу «Литературной газеты» и патетически-восторженными возгласами о книге проф. В. Виноградова.

Но на одном месте его выступления нельзя не остановиться. В ответ на слова проф. Н. Глаголева о необходимости в книге о языке дать изложение марксистско-ленинского учения о языке, Архипов заявил, что считает это требование «чрезмерным».

Куда уж, кажется, идти дальше! Аспирант Архипова смеялся студент IV курса Т. Курозав. Сокрушено разводя руками, он посетовал на отсутствие в нашей прессе «доброй», «благодостной» критики.

— Когда читаете статью Аганоу и Зеллинского, — сказал он, — возникает неприятное чувство. Я читал недавно полемичку крупного писателя — Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Белинского, Антоновича. К тому же при этом было очень неприятное чувство. Зачем это обилие друг друга грязью в пылу спора, в прениях в поисках истины? Это всегда вызывает неприятное чувство!

И это чудовищное по своему политическому недомыслию заявление советского студента не вызвало ни у одного из его учителей, сидящих в зале, ни возмущения, ни протеста. Хорошо же воспитывают эти жарены шпикоты!

Отвращение к страстной партийной критике, защита «чистой науки», отгораивание от жизни и ее связанной с марксистско-ленинским учением, ложный академизм и косность — вот на чем основано пресловутое «царство» лингвистов, столь ревностно охраняемое членами Ученого совета филологического факультета Московского университета.

Косность защищать не надо

В «Литературной газете» (№ 49) была напечатана статья А. Марьямова «Не может быть предметом», в которой он подверг критике рецензию проф. Р. Аванесова и доп. В. Сидорова на «Диалектологические сборники» Волгоградского педагогического института.

Авторы этой рецензии, Р. Аванесов и В. Сидоров, заявляли, что «при собрании диалектологических материалов для атласа установка должна быть сделана не на «языковые процессы современности», а на «историю языка, на прошлые обледенелые говоры».

Публикуя статью А. Марьямова, критика,

«Все дело в том, — говорю в этом письме, — что диалектологический атлас ставит перед собой задачи исторического характера — выяснение истории формирования русского языка, как национального. Поэтому для атласа интересны прежде всего сохранившиеся по говорам остатки старинных, а не новые явления. В силу исторических условий архаизмы в языке часто бывают распространены лишь в отдельных частях территории русского языка, в то время, как новые явления в языке советской деревни универсальны и охватывают всю территорию русского языка. В Советском Союзе нет «междоулья», которыми славилась царская Россия. Социалистический строй, коллективизация, индустри-

зация, небывалый культурный рост крестьянской массы охватывают всю страну. Поэтому такие слова, как МТС, трактор, агроном и т. д., равно употребляются в любой части нашей страны. Благодаря новейшему происхождению таких слов и явлений и их всеобщему распространению они действительно не представляют интереса для атласа — но вообще для науки. Поэтому можно считать справедливым утверждение Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова о том, что такие явления «не могут быть предметом картографирования».

Итак, расхождение между Т. Марьямовым и авторами рецензии основано на недоразумении, новые явления в языке советской деревни заслуживают самого тщательного изучения, но

не методами лингвистической географии (атласа), а путем монографического изучения отдельных говоров. Подобная работа в Институте русского языка ведется, и в ближайшее время будет усилена.

Директор Института русского языка АН СССР академик С. П. ОБНОРСКИЙ, заведующий сектором истории русского литературного языка академик В. В. ВИНОГРАДОВ, доктор филологических наук профессор М. Н. ПЕТЕРСОН, доктор филологических наук профессор А. Б. ШАПИРО, старший научный сотрудник С. И. ОЖЕГОВ, старший научный сотрудник Е. М. ГАЛКИНА-ФЕДОРУК, ученый секретарь Института русского языка Академии наук СССР Е. А. КОШКИНОВА.

Многие руководители Института русского языка, являя огромное количество таких различий. Как много, например, всевозможнейших образований, совершенно непохожих друг на друга, порождая слово «МТС» в различных областях нашей родины.

Работа над диалектологическим атласом имеет первостепенное значение. Такой атлас должен был бы показать язык наш в его живых и активных формах. А «уставовки», выраженные в статье Р. Аванесова и В. Сидорова, а затем подтвержденные в письме руководителей Института русского языка Академии наук СССР, говорят о том, что составление атласа производится методом искусственного препарирования живого языка. — методом, который насильно печальной памяти «марбургская школа» лингвистической географии. Редакторы и составители атласа предавали забвению лучшие традиции московской диалектологической школы, которая всегда основное свое внимание уделяла изучению живых современных говоров.

Вот какие вопросы возникают после прочтения письма, подписанного руководителями Института русского языка Академии наук СССР.

И все они рождают еще один, последний и основной вопрос:

— Почему защита чести мундира заставила руководителей института объявить все упрёки по адресу диалектологов «несущественными» и вызванными одним лишь «недоразумением», вместо того, чтобы серьезно задуматься над симптомами неблагоприятности на диалектологическом фронте?

Напрасно гг. С. Обнорский, В. Виноградов, М. Петерсон, А. Шапиро, С. Ожегов, Е. Галкина-Федорук, пользуясь всевозможными отговорками, пытаются утверждать нас в том, что нельзя изучать процесс развития современного русского языка.

И можно, и должно!

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

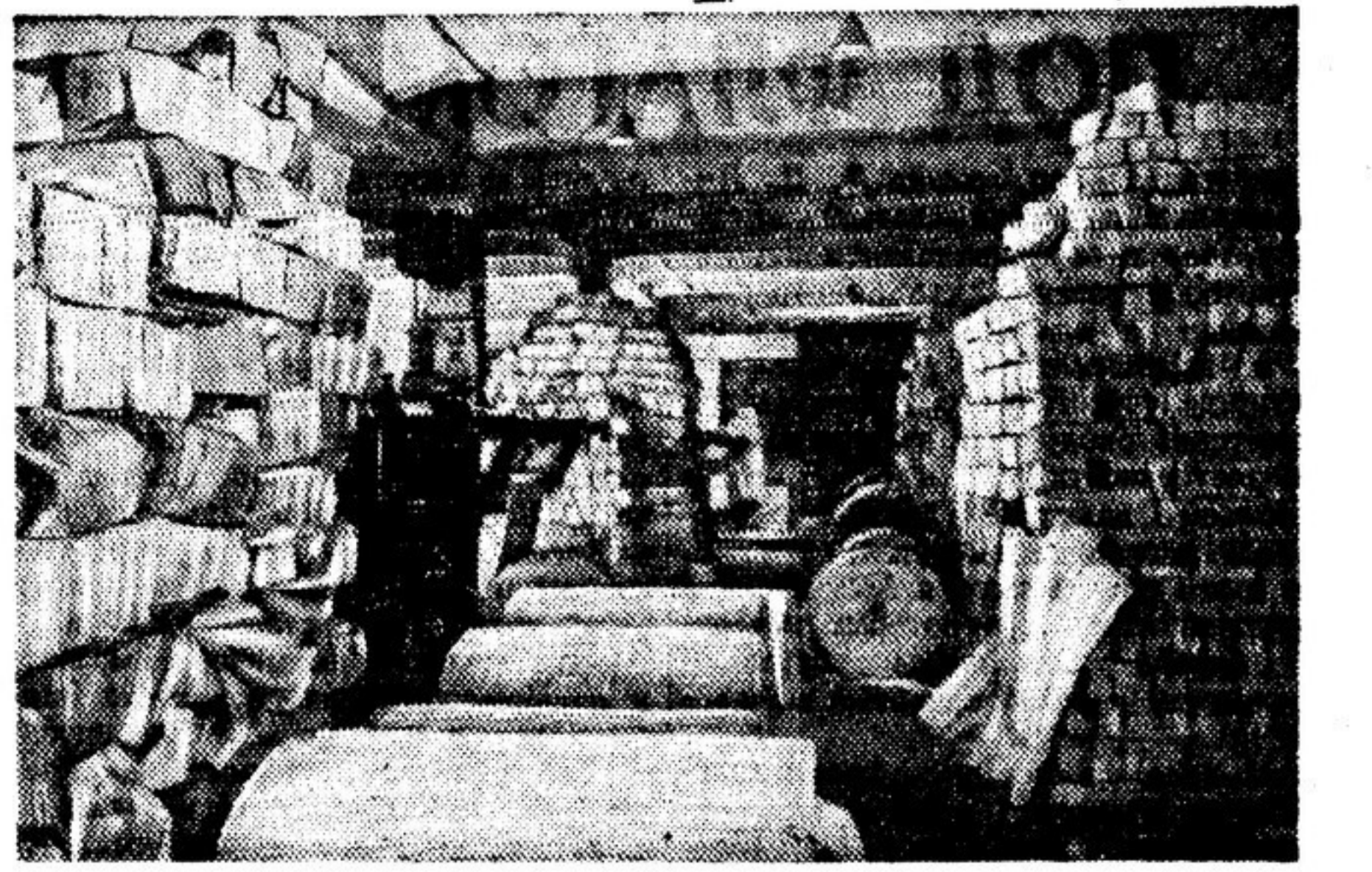
Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Косность защищать не надо

Письма в редакцию

Ротационный пех фабрики детской книги завален готовой продукцией. Фото Б. ТИХАНОВА.

Почему нет в продаже детских книг?

Мои внуки очень любят, когда я читаю им детские книги. То, что было в доме, все перепитал. Пересказал все известные мне сказки. Но девочки каждый день обращаются с одной и той же просьбой: — Дедушка, читай еще.

А читать нечего. Книг для детей дошкольного возраста в магазинах нет.

На днях я с большим удовлетворением узнал из газет, что начинается подготовка к неделе детской книги. Может быть, магазины в этот период будут продавать книги для детей. Обойди пять основных книжных магазинов Когиза, но так-сказок для своих внуков и не нашел.

Где же купить детскую книгу? Г. ТАЛАН.

Как ни странно, детские книги, спрос на которые так велик в нашей стране, с трудом доходят до покупателя. Книгогорное объединение государственных издательств — Когиз, являющееся монополияй организацией по сбыту книг, вопреки логическим условиям, не заботится о продвижении детской литературы.

К годовщине Великого Октября Детгиз досрочно и с превышением выполнил годов

вой план. Сверх плана напечатано свыше 1,5 миллиона экземпляров книг для детей. В ноябре фабрика детской книги № 1 в Москве продолжала печатание и сдачу готовых тиражей.

Эта фабрика сейчас в буквальном смысле слова завалена готовыми книгами. Они заполнены не только экспедиция фабрики, склады полуфабрикатов, склад бумаги и вспомогательные помещения, но и цехи фабрики. (См. фото).

На первое декабря на фабрике скопилось готовых к сдаче 1.503.595 экземпляров книг.

Несколько раз мы обращались к товарищам из Когиза с просьбой принять и вывезти готовые книги, но наши настоятельные обращения по этому поводу остаются без результата.

Директор Детгиза Л. ДУБРОВИНА.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция получила много писем, в которых читатели жалуются на то, что в книжных магазинах нет в продаже детской литературы. Письмо директора Детгиза тов. Дубровиной подтверждает, что в июне Когиза литература лежит на складах фабрики.

Что ответят детям руководство Когиза?

ДВОЙНАЯ ОШИБКА

Вышел из печати 10-й номер журнала «На рубеже». В нем под заголовком «Гос работы по-новому» помещен отчет о недавно состоявшемся собрании писателей Карело-Финской ССР. В весьма подробном отчете несколько упоминается о том, что «товарищ Новицкий, давая оценку очерку финского рабочего-коммуниста Олави Лайхо «Ночь приговоренного к смерти», допустил ошибку. На это ему указал выстуивший на собрании писатель Николай Яркола». И все!

Но все ли? Достаточно прочесть опубликованный в одном из предыдущих номеров этого журнала перевод очерка Олави Лайхо, чтобы убедиться, что ошибка, серьезнейшая политическая ошибка, была допущена самой редакцией, представлявшей страницы журнала для произведений, содержащих ряд антисоветских выводов и перевернув геббельсовско-таннировской клеветы на нашу страну.

В очерке изложены переживания и мысли человека, заключенного в Улеаботской тюрьме. Они относятся к лету 1944 года. Заключенный узнает о том, что фронт белофиннов проорвал и советские войска победоносно продвигаются на запад. Какие же мысли вызывают у него эти вести? Он рассуждает о «бедных беженцах», о финских солдатах, которым якобы всем суждено теперь погибнуть.

Немного же стоят заявления о «победе правого дела», если их сопровождают вопли отчаяния по поводу поражения финских прилужников гитлеровской Германии. Победоносная поступь Советской Армии, которая принесла финскому трудовому народу освобождение от власти немцев и финских фашистов, вызывает испуг и смутные в душе автора. Вся прогрессивная Финляндия понимает и понимает, что счастье народа лежит лишь на путях демократического развития страны. Наступле-

ние Советской Армии, которой глубоко чужды всякие захватнические цели, помогло Финляндии выйти из этого утуть. Автор же, по сути дела, повторяет шюбровские бредни.

Весь мир знает, что для коммуниста любой страны нет ничего более святого, чем счастье его народа. Никто не замышляет так мужественно и самоотверженно, как коммунисты, самые благородные идеалы человечества. А по Олави Лайхо выходит, что интересы коммунистов в народе противоположны, что крупнейшие фашисты могут вызвать лишь эстетическую радость у заключенного в фашистском застенке.

Передовой части финской литературы чужды настроения, выраженные в очерке «Ночь приговоренного к смерти». Настроение передовых финских писателей выражает депутат финского сейма ВаЙту-Мирьям Рюйберг, которая во время войны также находилась в фашистской тюрьме. В очерке «Огни, до которых я тосковала» она горячо и искренне пишет о Советском Союзе, стране социалистической демократии, «которая спасла западную демократию от гибели».

Мы все помним замечательные записки финского коммуниста Юлиуса Фучика, до конца сохранившего силу чувства и мысли, ясность цели, за которую он боролся. Каким жалким, путанным, смутным взглядом по сравнению с записками Фучика очерк «Ночь приговоренного к смерти», опубликованный в журнале «На рубеже»!

Книга Юлиуса Фучика касается великих слов: «Люди, я люблю вас! Будьте бдительны». По имени об этом призыве забыла, видимо, редакция журнала «На рубеже».

А. СМОЛЯН, Е. СЕРЕБРОВСКАЯ, Г. ПЕТРОВЗОВДСК.

Беспринципность и обывательщина

Очередное литературное выступление газеты «Труд»

«Литературной газете» уже не раз приходилось отмечать грубые ошибки газеты «Труд» и отсутствие у редакции этой газеты ясной партийной линии в вопросах литературы. В статье Е. Усевича «Замысел и исполнение» газета попыталась «выбросить» из советской литературы роман молодого украинского писателя А. Гончара «Знаменосцы» Чувство идеологического пренебрежения советских людей Е. Усевич объявила, национальную ограниченность и на этом основании «забраковала» патристическое произведение. Естественно, что «Правда» осудила статью Е. Усевича. «Литературная газета» сочла своей обязанностью указать на нигилистическую, «космополитическую» тенденцию этой антипартийической статьи.

Вскоре, вслед за Е. Усевичем, на страницах газеты «Труд» выступил Б. Драйденев, который в своей статье «Об опасности мнимой и действительной» тоже попытался ошельмовать другое ценное произведение советской литературы — правдивую пьесу Н. Вирты «Хлеб наш насущный», посвященную колхозной деревне ввях дней, борьбу передовых советских людей против расхитителей народного добра. «Литературная газета» указала на ошибочность и этого выступления газеты «Труд», фактически направленного против Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года.

Очевидно, критика пришла не по акусу редакции «Труда». Вместо честной партийной самокритики редакция возмечала взять «рванцы» и вот специально пригласившие для этой цели Ф. Левина и С. Трегуба, видимо, помоги «Труду». Они ринулись в подполье без всякой серьезной причины, без всякого повода. И, как следовало ожидать, очередное выступление «Труда» на литературные темы вновь оказалось покушением с негодными средствами.

В чем обвиняют «Литературную газету» Ф. Левин и С. Трегуб?

На страницах «Литературной газеты» критик З. Паперный, ликут они, более полугодом тому назад в своем обзоре журнала «Литература в школе» обидел автора напечатанной в этом журнале статьи С. Березнера. Ни в чем не повинный С. Березнер, — если верить Ф. Левину и С. Трегубу, — робко заикнулся о недостатках романа «Молодая гвардия», а З. Паперный за это «обрушил на него грома в молнии». Вот что пишут об этом Ф. Левин и С. Трегуб: «Надо быть по меньшей мере политическим недорослем, чтобы высказывать такую, с позволения сказать, «мысль!» — так критик З. Паперный уничтожил Ф. Березнера. Кто же оказался политическим недорослем? — восклицают Ф. Левин и С. Трегуб.

Не правда ли, как будто бы эти два критика выдают против З. Паперного очень серьезное обвинение? Дескать, стоило бедному С. Березнеру покривиться «Молодую гвардию» за ее действительные недостатки, как он был объявлен политическим недорослем.

Но обратимся к статье З. Паперного, о которой вспомнили Ф. Левин и С. Трегуб. Перед нами «Литературная газета» № 21 от 24 мая 1947 года. В статье З. Паперного «Невежество и политическая безответственность» говорилось: «Молодогвардейцы, как уверяет нас С. Березнер, могли совершить свой героический подвиг потому, что гестаповцы «не утруждали себя необходимостью искать среди многомиллионной массы враждебного им населения тех, кто активизирует и направляет в должное русло боевой деятельности ненависть этого населения». Надо быть по меньшей мере политическим недорослем, чтобы высказывать такую, с позволения сказать, «мысль!»

Итак, обвинение в политическом недомыслии было предъявлено С. Березнеру вовсе не потому, что он критиковал «Молодую гвардию», а потому, что С. Березнер грубо искажал в своей статье действительность. Изображая гестаповцев навными дурач-

ками, которые не утруждали себя поисками коммунистов, космополитцев и всех активных подпольных борцов против фашизма, С. Березнер сводил на нет весь героизм, всю трудность борьбы славных молодогвардейцев. «Мысль», которую развивал С. Березнер, трудно было квалифицировать иначе, чем это было сделано в статье З. Паперного. В самом деле, С. Березнер утверждал, что именно вследствие этой выдуманной им беспесности гестаповцев течение почти полугодом семнадцатилетние мальчики и девочки могли совершать изумительные по дерзости подвиги без каких-либо потерь».

Так вот, оказывается, в чем секрет героических дел юности и девушек «Молодой гвардии» — в том, что гестаповцы «не утруждали себя» поисками подпольщиков! Что это такое, как не умаление героизма молодогвардейцев!

Но если рецензент С. Березнер проявил явное и неоспоримое политическое недомыслие, то как назвать поступок «опытных» критиков Левина и Трегуба, которые сознательно извратили цитату и отнесли слова З. Паперного о «политическом недоросле» к другому месту статьи С. Березнера?

Нам очень не хочется прибегать к резким определениям. Но что поделаешь, если предмы «полюмики» критиков из газеты «Труд» не имеют ничего общего с элементарной порядочностью! Брать под защиту политически нелепые утверждения С. Березнера только для того, чтобы свести как-то свои мелкие счеы, — грубо, на глазах у читателя, передергивать цифры, — все это не выжесит с традициями советской печати и с моральным обликом советского журналиста.

Да, полгодом назад, когда З. Паперный писал свой обзор журнала «Литература в школе», «Литературная газета» не видела ошибок и слабостей романа «Молодая гвардия». Это сказало, и в обзоре З. Папер-

ного. Но «Литературная газета» в своей редакционной статье (№ 61 от 7 декабря 1947 года) подвергла критике ошибки романа и инсценировку «Молодая гвардия». И именно эта редакционная статья «Литературной газеты», в которой дан подробный анализ ошибок «Молодой гвардии», и вызвала неудовольствие газеты «Труд» и двух упомянутых критиков, Ф. Левин и С. Трегуб с многозначительным видом заявляют:

«Нет нужды сейчас, после известных выступлений газет «Правда» и «Культура и жизнь», объяснять, чем вызваны эти статьи «Литературной газеты» (речь идет о трех статьях «Литературной газеты», посвященных «Молодой гвардии», повести К. Симонова «Дым отечества» и передовой статье год названном «Критиковать смело и открыто»).

Да, статьи «Правды» и «Культура и жизнь» помогли нам разобратся в ошибках «Молодой гвардии», побороть идеино-художественную слабость «Дыма отечества». Но чему они научили редакторов и критиков газеты «Труд»? Какова позиция «Труда» по отношению к этим произведениям? Не лучше ли, чем обывательски зубоскалывая, выступить самим и определить прямо и ясно свое отношение к тем фактам и явлениям современной литературной жизни, на которых правильно указали «Правда» и «Культура и жизнь»?

Это тем более нужно было сделать, что сама газета «Труд» выступала с односторонними, безоговорочно аполотетическими статьями и о романе «Молодая гвардия», и о его инсценировке в Театре драмы (см. статью А. Великого «Во имя жизни» о романе А. Фадеева «Молодая гвардия» в газете «Труд» № 77 от 30 марта 1946 г., статью М. Кузьмина «Поклоение героев» в № 52 от 2 марта 1947 г.).

Что касается пылкого обвинителя «Литературной газеты» С. Трегуба, упречающего нашу газету в короткой памяти, то у него нет никаких оснований для претензий на особую длину его собственной памяти. Так, например, он предпочел начисто забыть о своих статьях, в которых он полчеркивал, как особую заслугу А. Фадеева, избранные образы старых большевиков. «В их простой и скромной жизни», — писал наш забывчивый обвинитель, — как в кляте, отражено величественное солнце — Партия». Эту мысль С. Трегуб высказывал в ряде своих статей (см. журн. «Октябрь», № 5

за 1946 г., журнал «Партийное строительство» № 4 за 1946 г., «Комсомольская правда» № 63 от 14.11—46 г.).

Редакция «Труда» представляется, что «нет нужды сейчас после известных выступлений газет «Правда» и «Культура и жизнь» объяснять...» и т. д. Но не кажется ли этой редакции и критикам Ф. Левину и С. Трегубу, что есть нужда в том, чтобы вспомнить свои собственные прежние оценки и всерьез разобратся в достоинствах и слабостях романа «Молодая гвардия» и его инсценировки?

Принципиальности — вот чего не хватает газете «Труд». Редакция не понимает значения большинства критики и самокритики, она развенчивает больше, серьезные идейные вопросы на мелкую монету дешевой околелитературной полемике, на обывательские ухмылки. Она протаскивает в нашу литературную жизнь все то, что уже давно осуждено нашей общественностью, весь мусор игры мелких обывательско-критических самолюбов.

Сейчас идет большой разговор о литературе. Многомиллионный читатель подвергает справедливой, требовательной критике художественные произведения во имя любви к нашей советской литературе, во имя ее новых успехов, во имя ее художественной и жизненной правды. И в это время являются люди, существующие около литературы, рассматривающие страницу большой газеты, органа наших советских профессоров, как коридорчик, где можно вести обывательские культурные разговоры! И о литературе эти люди думают мелко, и о литературе ведут мелкую, недобросовестную.

Вот, например, они пишут, что «Литературная газета», говоря о неизжитой еще в литературной среде атмосфере захватывания, сыгравшей свою роль в опубликовании незрелой и во многом ошибочной повести К. Симонова «Дым отечества», упоминала как конкретных виновников этого зла А. Фадеева, К. Федина, И. Эрнбург, но дескать, газета при этом забыла указать, что автором безоговорочно-хваленой статьи о повести К. Симонова был А. Макаров член редколлегии «Литературной газеты». Как видим, эта длинная фраза почти дословно процитированная нами из статьи Ф. Левина и С. Трегуба, составлена с таким расчетом, чтобы у несомедленного

читателя создалось такое впечатление: мол, «Литературная газета» критиковала в своей редакционной статье всех, кроме себя самой, что она «умолачала» о своей ошибке в оценке повести Симонова. А в действительности же «Литературная газета» ясно определила свою редакционную точку зрения на повесть К. Симонова и осудила безоговорочно-хваленой статью об этой повести, напечатанную в номере 55 «Литературной газеты».

Автором ошибочной статьи о «Дыме отечества» являлся А. Макаров, член редакционной коллегии «Литературной газеты», и, стало быть, ответственность за статью несет редакция. Именно поэтому в редакционной статье о «Дыме отечества» газета признала ошибочность своего выступления, не считая правильным сводить дело к индивидуальной ответственности тов. А. Макарова. А Ф. Левин и С. Трегуб ухитрились в этом факте найти пищу для своих мелких пересудов и лжетолкований.

Редакция газеты «Труд» следует очень серьезно подумать о необходимости пересмотреть всю свою линию в литературных вопросах, весь свой подход к литературе. Почему так сложилось, что «Труд» стал полем для беспринципных, мелкотравчатых выступлений, вносящих в нашу литературную жизнь чуждые нравы, недобросовестность, нездоровый личный антагонизм вместо партийной страстности и принципиальности?

Грустно за газету «Труд», обидно за ее читателей. Разве не понятно, что они ждали совсем другого от своей газеты? Статья о «Молодой гвардии» в повести К. Симонова, напечатанные в нашей прессе, вызвали большой интерес у читателей, потребность глубоко продумать пути в жизни нашей литературы. И вместо того, чтобы пойти навстречу этой законной потребности, газета «Труд» навязывает своему читателю недобросовестные демагогические выступления. У редакции «Труда» нашлось место для никому не нужной статьи Ф. Левина и С. Трегуба и не нашлось ни желания, ни времени, ни места для того, чтобы напечатать статью о романе «Молодая гвардия» и повести «Дым отечества».

Необходимо очистить нашу литературную жизнь от беспринципности, от всего того, что мешает развитию и творческому росту литературы, от всего, что является помехой для развертывания большевистской, творческой критики и самокритики.

ПОД ФЛАГОМ «НОВАТОРСТВА»

Уже два года назад, когда Т. Д. Лысенко выступил со своей статьей «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция»...

Еще большее внимание должны привлекать к себе последние выступления Т. Д. Лысенко и его сотрудников в №№ 47 и 59 «Литературной газеты»...

В самом деле, в течение десятилетий передовые представители русской и советской интеллигенции учились у Маркса и Энгельса считать, что учение Дарвина «отбрасывается как естественно-научная опора истории классовой борьбы»...

В течение 30 лет существования советской партии советские биологи, участвуя у К. А. Тимирязева его страстной борьбе с ошибками и извращениями дарвинизма, очистив учение Дарвина от тех его недостатков, на которые указывали Маркс и Энгельс, восприняли дарвинизм как ограниченную составную часть в построении целостного марксистского диалектико-материалистического мировоззрения.

Если поверить новоявленным критикам, то не только советским ученым-биологам, но и всем советским людям нужно пересмотреть свое отношение к основам дарвиновской теории эволюции.

В развернувшейся дискуссии особенно любопытны тот факт, что для подтверждения своих позиций Т. Авакиан и другие обрушивают на читателей «Литературной газеты» целый ворох цитат из Маркса и Энгельса...

В данном случае Т. Авакиан и другие пользуются, главным образом, теми мыслями из гениальной «Диалектики природы», которые Энгельс занес в предисловие к порядку подготовки к задуманному изданию, но, к сожалению, не завершеному труду.

В других случаях они цитируют мысли из переписки Маркса и Энгельса с друзьями, совершенно не учитывая того, что в них сами и их друзья и понятна основная система взглядов, уже высказанных ими ранее в опубликованных трудах.

Но, обратясь к «Анти-Дюрингу» Энгельса, они к своему удивлению установили бы, что обивание дарвинизма в том, что они якобы перенесли дарвинизм на теорию перенаселения в область естествознания...

«Прежде всего Дарвину вменяется в упрек, что он перенес мalthusовую теорию народонаселения из политической экономии в область естествознания, что он коснулся в представлениях животноводов, что своим учением о борьбе за существование он предает научную полупозицию, что весь дарвинизм, за вычетом сделанных им у ламаркизма заимствований, есть нарядная доза направленного против человечества зверства».

Измозга далее содержание теории Дарвина как теории отбора, основанного на индивидуальной способности отдельных особей, определяющих их преимущественно перед другими особями того же вида в борьбе за существование, Энгельс дает в заключение прямой ответ Дюрингу: «Но Дарвин вовсе не приходило в голову сказать, что происхождение идеи о борьбе за существование следует искать у Мalthуса».

Он говорит только, что его теория борьбы за существование есть теория Мalthуса, примененная ко всему животному и растительному миру. Как бы ни был велик промах Дарвина, принявшего в своей науке без оговорок учение Мalthуса, однако всякий сразу заметит, что можно и без мalthusовых очков заметить в природе борьбу за существование, заметить противоречие между бесчисленным множеством зародышей, которых порождает в своей растительности природа, и незначительным количеством тех из них, которые достигают зрелости (подчеркнуто мною. — Б. З.); и противоречие это в действительности разрешается по большей части борьбой за существование, принимающей иногда крайне жестокий характер.

Итак, основная ошибка Т. Д. Лысенко и его сторонников состоит в том, что для решения биологической проблемы — признания или отрицания внутривидовой борьбы и перенаселения в живой природе — они без всякого основания привлекли не

теории и теории Мalthуса, Энгельс безоговорочно поддерживает и защищает теорию Дарвина применительно к органической природе во всей ее целостности, включая и принцип внутривидовой конкуренции и существование факта геометрической прогрессии и перенаселения. Приходится лишь удивляться тому, что современные борцы за «творческий дарвинизм» не сумели до сих пор научиться у Маркса и Энгельса видеть разницу между дарвинизмом и мalthusизмом и повторить в своих «открытиях» старые ошибки.

При желании не менее выразительные и поучительные для себя места они могли бы найти и у Маркса. Они определенно видели и читали эти места, но предпочли умолчать о них, так как не могли не понять, что несколько опущенных ими слов Маркса уничтожают весь смысл их даининой и многоцитатной статьи.

Тов. Авакиан и другие приводят в своей статье яркое место из «Теории прибавочной стоимости» Маркса, но предостерегают опускать предшествующие две фразы. Вот это место в его полном виде: «Дарвин в своем превосходном сочинении не видел, что он опровергает теорию Мalthуса, открывая в царстве животных и растений «геометрическую» прогрессию. Теория Мalthуса основывается как раз на том, что он уоlessовскую геометрическую прогрессию человека противопоставляет химической «арифметической» прогрессии животных и растений (подчеркнуто мною. — Б. З.). В произведении Дарвина, например, в обсуждении причин вымирания видов, заключается и детально, — не говоря об его основном принципе — естественно-историческое опровержение мalthusовской теории».

Маркс прямо подтверждает и высоко оценивает открытую Дарвином геометрическую прогрессию в царстве животных и растений. Более того, только удумавшись в смысле этой цитаты в ее полном виде, можно понять поистине диалектическое построение тезиса Маркса: Дарвин опровергает мalthusовую теорию перенаселения в человеческом обществе именно тогда, когда доказал существование перенаселения в мире животных и растений.

Совершенно очевидно, что процитировать эту фундаментальную для обсуждения проблемы мысль Маркса означало бы для тов. Авакиан и других перечеркнуть все свои остальные многословные «аргументы» и свой совет биологам «попытать, что внутривидовая конкуренция в природе нет и ничего ее в науке выдумывать».

Как же объяснить те мысли и высказывания Маркса и Энгельса, которые приводятся в статье защитников «творческого дарвинизма» и которые посвящены критике мalthusизма и теории Дарвина? Это не представляет труда. Полностью принимая и весьма высоко оценивая дарвинизм как биологическую теорию, правильно раскрывающую основные движущие факторы процесса развития в живой природе, Маркс и Энгельс зло высмеивали и опровергали многочисленные попытки перенести законы борьбы за существование (как решила мalthusизма, получивший также название социал-дарвинизма) в человеческое общество.

Но Маркс и Энгельс учили нас не убеждать в панике от теории Дарвина только потому, что буржуазные лжеученые социал-дарвинисты пытаются делать из учения Дарвина опору для своих мalthusизмских теорий, но разоблачать порочность и недобросовестность этих попыток, стоя обидными ногами прочно на почве дарвинизма; не отдавая Дарвина на откуп буржуазной идеологии и науке, но, наоборот, очистив учение Дарвина от второстепенных ошибок и взяв его на свое вооружение, сделать его «естественно-научной опорой истории классовой борьбы».

Ленин, разоблачая в «Материализме и эмпириокритицизме» пустоту и бессодержательность «социально-энергетических» построений эмпириониста Богданова, цитирует слова Маркса, посвященные социал-дарвинисту Ланге, и комментирует их следующим образом: «Основная критика Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мalthusизмство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фразы не перестает быть фразой».

Но если всякое перенесение биологических понятий и закономерностей в область социальных явлений, по определению Маркса и Ленина, является фразой, то такая же фразой являются и попытки раскрыть конкретные проблемы биологии путем перенесения в биологические проблемы социологических понятий вроде мalthusизма.

Т. Д. Лысенко и его последователи пытаются опровергнуть дарвинизм, предлагая отказаться от основного тезиса учения Дарвина — внутривидовой борьбы, вообразив, что этим они укрепят нашу идеологическую борьбу с мalthusизмскими социологическими теориями империалистических хищников, и при этом не замечают, что тем самым вместо опровержения лже-научных социал-дарвинистических и мalthusизмских построений они сами оказываются в плену у буржуазной идеологии. Вместо того, чтобы разоблачать след за Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным недопустимости и лженаучности простых, механистических аналогий между биологическими явлениями в природе и социальными явлениями в человеческом обществе, они сами выступают в роли тех же социал-дарвинистов, но только на выворот.

Задача советской науки — со всей силой и последовательностью разъяснить общественности, что независимо от того, действуют ли в природе факторы борьбы и внутривидовой конкуренции — развитие человеческого общества происходило и происходит по своим, историческим законам классовой борьбы.

Итак, основная ошибка Т. Д. Лысенко и его сторонников состоит в том, что для решения биологической проблемы — признания или отрицания внутривидовой борьбы и перенаселения в живой природе — они без всякого основания привлекли не

отношения к делу соображения социологического порядка, повергнутое Энгельсом уничтожающей критике в «Анти-Дюринге». Переключаясь же на анализ относящегося к делу биологического материала, они «не учли» у Дарвина конкретных примеров внутривидовой конкуренции. Но если бы они сочли необходимым проштудировать труды классиков дарвинизма в полном объеме, то, конечно, нашли бы сотни относящихся к этому вопросу примеров. Чтобы облегчить их труд, я бы рекомендовал им хотя бы 125-ю страницу «Происхождения видов» (издание Лепковского), где Дарвин приводит блестящий пример наметившегося расщепления (дивергенции) внутри одного и того же вида североамериканского волка на две разновидности.

Т. Д. Лысенко совершенно безосновательно полагает, что обнаруженный факт повышения урожайности при гнздовом посеве кока-сагзы является каким-то «новым открытием» и тем более, что это «открытие» якобы способно в чем-либо поколебать принцип внутривидовой борьбы в живой природе. Подобные явления под различными наименованиями — «сотрудничества», «взаимопомощи», «кооперации» и т. д. — давно известны и были подробно анализированы уже Дарвином на примерах стадной жизни млекопитающих и птиц, «общественной жизни» пчел, муравьев и термитов и т. д. Но эти примеры взаимопомощи и внутривидового сотрудничества нисколько не исключают внутривидовой конкуренции, существующей между особями того же стада, а являются лишь одной из форм проявления борьбы за существование.

Печальнее всего то, что, увлекшись односторонней и ложной идеей опровержения неопровержимого, Лысенко не приметил, а его законопослушные ученики не сумели помочь ему приметить, что в собственном описании опытов с кока-сагзым ему пришлось многократно сталкиваться с отрицательными фактами внутривидовой конкуренции. Так, сам Т. Д. Лысенко отмечает, что «чем больше растений в гнезде, тем меньше средний вес корней одного растения» (статья «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция», «Союзное производство» № 1, январь 1946 г., стр. 18). Правда, Лысенко тут же торопится предупредить читателей, что «еще нельзя, однако, сказать, — была ли конкуренция среди растений. Ведь падение среднего веса можно и так объяснить: чем больше растение было скудено, расположено в гнезде, тем больше было взаимное угнетение (а не конкуренция), вернее — тем меньше приходилось лишь на долю каждого из растений и тем меньше оказалось поэтому средний урожай корней на одно растение».

Таким наивным словесным вывертом, подменяя нежелательное для него слово «конкуренция» термином «угнетение», Т. Д. Лысенко рассчитывает убедить читателей в отсутствии неопровержимого факта — существования внутривидовой конкуренции в живой природе!

Но, отвергая факт и теорию внутривидовой конкуренции, Лысенко и его сторонники тем не менее признают факт существования межвидовой конкуренции. «Спрашивается, какова же логическая и диалектическая ценность подобного рода воззрений? Можно ли высказать такое положение, не вступая в противоречие с основными положениями материалистической диалектики, что развитие внутри вида может происходить без противоречия, которое двигают это развитие? Ведь в основе диалектического материализма лежит утверждение, что всякий процесс, всякое движение материи происходит в силу действия внутренних противоречий». Т. Д. Лысенко хочет убедить, что эти противоречия внутри вида отсутствуют.

Пока еще Т. Д. Лысенко не предлагал опровергать дарвинистическое представление о том, что вид возникает из разновидности, в свою очередь рождающейся внутри вида. Но уже сейчас, согласно представлениям Лысенко, выходит, что межвидовая борьба, или межвидовая конкуренция, которую он признает как реально существующую в природе факт, — рождается как бы из некоей метафизической пустоты. Но где же здесь диалектика? Более того, где здесь логика?

Раскрывая ошибки Т. Д. Лысенко, нельзя в то же время оставить широкую общественность вне понимания того вопроса, где и по каким линиям в действительности происходит идеологическая борьба советских ученых с нападениями буржуазных ученых на нашу, советскую науку, на нашу, марксистскую идеологию и методологию. В чем смысл атаки буржуазных ученых лично на Т. Д. Лысенко, которого мы обязаны защищать за его конкретные заслуги, независимо от изложенных выше существенных с ним разногласий? Мы должны четко и определенно разъяснить, в чем обивается Т. Д. Лысенко и в чем он прав.

Широкая советская общественность склонна считать, что существует только два лагеря в теории дарвинизма: с одной стороны, бесспорно порочная линия неодавинизма — формальной генетики, которая не отрицается от враждебных нам идеологических и метафизических идей, свойственных большинству буржуазных ученых, а с другой — те тенденции, которые все более активно проводят в своих последних работах Т. Д. Лысенко.

Существует неправильное представление, что всякий, кто критикует Лысенко, тем самым вылезает в общий фронт с формальными генетиками и другими морганистами, односторонне отрицающими какие бы то ни было научные заслуги Т. Д. Лысенко. Мы обязаны довести до сведения широкой советской общественности, что существует третья, действительно правильная позиция — генеральная линия ортодоксального дарвинизма, которая разоблачает ошибки как ливанского неодавинизма, так и ошибки неодавинизма. На этой позиции всегда стоял К. А. Тимирязев, эта позиция борьбы с мalthusизмом и меньшевистским идеализмом в биологии была выполнена коллективной мыслью советских биологов в предшествующих научных, философских дискуссиях, которые имели место за 30 лет существования советской власти.

Советская общественность всегда и весьма чутко откликнулась на всякую истинно новаторскую идею. Но она откажется пойти по пути такого «новаторства», которое ведет не к развитию и углублению марксистской науки и философии, а к их ре-

В. ЗАВАДОВСКИЙ, действительный член Академии наук им. Ленина.

За науку, связанную с жизнью

В статье «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция» академик Т. Д. Лысенко писал: «Предположение о том, будто бы существует одна основа для жизни, а другая для науки, совершенно ложно. Дух основ не должно быть, должно быть единство теории и практики». Это — аксиома нашего мировоззрения. Но эта аксиома обидает одним «неприятным» свойством: оно легко воспринимается, но с такой же легкостью забывается.

При разработке и аргументации своей теории Ч. Дарвин смело опирался на опыт сельскохозяйственной практики. На ту же практику неизменно опирался он и тогда, когда анализировал необычные материалы естествознания, добытые им и другими натуралистами. Можно сказать, что к открытию законов естественного развития Дарвин пришел прежде посредством многолетнего опыта земледельца.

В наше время по-настоящему, подарвински развивать дарвинизм в состоянии только тот исследователь, который, руководствуясь теорией развития, решает практические задачи или же научно обобщает опыт практики и делает из обобщения научные, практические выводы. Каждый биолог согласится, что ныне уже невозможно знать учение Дарвина путем того или иного его толкования. И совершенно напрасно Б. М. Завадовский снисходит доказать, что он читает и толкует Дарвина правильно, чем те, кто разделяет взгляды Т. Д. Лысенко. Этим он еще резче оттеняет наличие разрыва теории и практики в своих трудах.

Академик И. И. Шмальгаузен и другие в своей статье («С», «Литературная газета» № 59) еще пытались кое-как увязать критические замечания по адресу Т. Д. Лысенко с анализом практики. Правда, под видом практики они взяли не живую жизнь, не эксперимент, а чисто умозрительные примеры с морковкой на огороде, да с капустой в саду, чем и поставили себе перед специалистами овощеводами и рыбоводами в неудобное положение. Ведь никто и никогда еще не пытался создавать полезные для человека качества у моркови с помощью загущенных посевов, т. е. с помощью внутривидовой конкуренции! Но Б. М. Завадовский даже не счел нужным сделать и того, что сделал его единомышленники. Он всю свою аргументацию строит на... толкованиях.

В наше время никто добровольно не желает относить себя к любителям толкования и схоластических споров. Поэтому, чтобы невольно не попасть в их число, Б. М. Завадовский и др. прежде чем пускаться в дискуссию, обязаны были точно усвоить исходное положение и цели, которые ставит перед собой Т. Д. Лысенко.

Каковы же исходные положения Т. Д. Лысенко? Каковы цели, заставившие его поднять большой теоретический вопрос о факторах эволюции?

Т. Д. Лысенко подробно отвечает на эти вопросы в своей, упомянутой нами выше, работе. В ней он говорит о том, что: — есть немало таких сельскохозяйственных растений, у которых весь урожай семян используется только для посева, и тем не менее, семена нехватает для расширения посевных площадей; — сортовые посевы зерновых всегда и везде приходится полоть от сорняковых примесей; иными словами, из среды высокоурожайных форм растений удаляют низкоурожайные формы, которые, несмотря на свою количественную незначительность и низкую урожайность, «не хотят» исчезать, хотя они «должны были» это сделать, если бы действовал закон внутривидовой конкуренции;

— земледельцы на засоренных почвах, желая получить урожай культурного растения, всегда и везде вынуждены прибегать к

увеличению нормы высева семян, т. е. загущать посевы культурных растений; — каучуконос кок-сагыз, посеянный гнездами, густо в отдельных точках, дает больше корней и семян, чем тогда, когда его семена размещены на площади равномерно, без загущения.

Все факты, а их немало в работах Т. Д. Лысенко, говорят об одном: земледельцы никогда не сталкивались с необходимостью бороться с последствиями перенаселения, а с необходимостью борьбы с недонаселением им приходится то и дело сталкиваться.

Факты, привлекающие внимание Т. Д. Лысенко, волнуют практиков, порождая у них много вопросов, от решения которых зависит повышение урожая. Т. Д. Лысенко объяснил эти факты и наметил путь решения вопросов, возникающих в связи с ними.

Никто не отнимает у ученого и практика права не соглашаться с выводами Т. Д. Лысенко. Но каждому непредубежденному человеку ясно, что отвергать его выводы можно лишь тогда, когда есть возможность доказать, что факты, на которых они основаны, — неверны. Одновременно критик обязан дать свое, отличное от лысенковское, решение вопросов, выдвинутых практикой, а также ответить на общий вопрос, поставленный Лысенко: почему сельскохозяйственная практика никогда и нигде не сталкивалась с явлениями перенаселения и с задачей борьбы с перенаселенностью?

Оппоненты не выполняют ни первого, ни второго, ни третьего условия. Почему? Нам представляется, что они просто неспособны с задачей бороться с перенаселенностью? Проект памятника одобрено худсоветом, высокооплачиваемым советом Министров СССР.

Для доказательства того, что перенаселение является фактором естественного отбора, оппоненты должны были прежде всего доказать, что такая перенаселенность действительно существует. Для этого они должны были бы привести факты, которые подтверждали бы, например, что семенами люцерны или кока-сагзы можно в течение нескольких лет действительно засеять если не весь земной шар, то хотя бы процентов 25 посевной площади Советского Союза. За такое открытие им сказали бы большое спасибо. Но у них нет таких фактов. И именно поэтому оппоненты не решаются обсуждать выдвинутую Т. Д. Лысенко проблему по существу. Творческую дискуссию они подменяют схоластическими упражнениями.

В самом деле, разве нужно вступать в спор с Б. М. Завадовским о том, что можно цитировать и чего нельзя цитировать из трудов классиков марксизма? Разве есть нужда дискутировать с ним по поводу сформулированной им «стрелы позиции». И философия, в истории, в политике эта «стрелка» — центральная — позиция неизменно заволадевает приверженцев в болото. Если Б. М. Завадовскому нравится это «угорь», то людям, творчески развивающимся дарвинизмом, развивающим его не цитированием и толкованием текстов, а практически оно определено не подходит.

Невозможно также вступать в спор с акад. Шмальгаузенем, пишущим, что «недопустимой ошибкой Т. Д. Лысенко является попытка изображать учение Дарвина, как якобы «биологическое» обоснование волюнтаризма и капитализма». Это невозможно обсуждать по простой причине: нигде и никогда Т. Д. Лысенко не писал того, что ему приписывают акад. Шмальгаузен и др. Трудно понять, что заставляло критиков прибегать к таким «приемам» дискуссии. Очевидно, то же незнание жизни и отсутствие фактов, необходимых для обсуждения проблемы по существу.

В. СТОЛЕТОВ.

Мое мнение о теоретических взглядах акад. Т. Д. Лысенко

Критика учения о внутривидовой конкуренции, развиваемая академиком Т. Д. Лысенко, касается взглядов и установок большинства числа биологов — исследователей и преподавателей. Эта критика затрагивает и мои взгляды.

Взяв все доводы и факты, приведенные академиком Т. Д. Лысенко, я вынужден признать его критику учения о внутривидовой конкуренции правильной. Вывод о неизбежности внутривидовой конкуренции, возникающей под давлением перенаселенности, обычно делается не на основании реально наблюдаемых в природе фактов, доказывающих наличие в природе перенаселенности, а на основании теоретических подсчетов возможного возрастания численности видов, благодаря способности живых организмов ускоренно размножаться.

Так, особенно популярным является пример с одуванчиком. По подсчетам К. А. Тимирязева, одно растение одуванчика, при выживании всех его потомков, способно было бы за десять лет дать начало такому большому числу потомков, что для него не хватало бы поверхности земного шара. Отсюда делается вывод о неизбежности перенаселенности и внутривидовой борьбы.

Но при таких теоретических подсчетах, подкупаясь своей наглядностью, упускаются из виду действительные размеры гога истребления, которому подвергаются живые организмы действием межвидовой борьбы за существование и неорганических факторов окружающей среды. Это вымирание менее приспособленных живых организмов в прямой и косвенной борьбе с другими видами и под влиянием постоянно изменяющихся и колеблющихся условий окружающей среды настолько велико, что способность живых организмов к размножению оказывается достаточной лишь для поддержания численности видов, а до перенаселенности возрастания численности вида ограничивается не недостаточностью пищи и не действием внутривидовой конкуренции вследствие перенаселенности, а соотношением разных видов живых организмов между собой и окружающими условиями существования.

Только межвидовая борьба за существование и влияние окружающих условий приводит к вымиранию менее приспособленных и к выживанию более приспособленных организмов. Не случайно ни Дарвин, ни его виднейшие последователи не приводят ни одного реального факта, свидетельствующего о наличии в природе перенаселенности и внутривидовой борьбы, а ограничиваясь теоретическими подсчетами возрастания численности видов вследствие размножения живых организмов в геометрической прогрессии. Поэтому академик Т. Д. Лысенко вполне

обоснованно заявляет, что нет ни одного факта, полученного путем непосредственного наблюдения в природе, который доказывал бы неизбежность конкуренции между организмами, принадлежащими к одному и тому же виду вследствие перенаселенности, вследствие нехватки пищи. Такие факты неизвестны, и, повидимому, они действительно не существуют в природе. Поэтому нельзя рассматривать внутривидовую конкуренцию как «красную линию» камень дарвинизма, как основную причину естественного отбора и дивергенции видов.

Теоретические взгляды академика Т. Д. Лысенко по вопросу о внутривидовой конкуренции помогают устранить из теории Дарвина мalthusизмские ошибки, на которые в свое время указывали Маркс и Энгельс. Поэтому более чем странно является отношение к этим взглядам академика Т. Д. Лысенко группы профессоров биологического факультета Московского государственного университета, которые осуждают эти взгляды, как ошибочные, ведущие к отходу от дарвинизма.

Такое осуждение взглядов академика Т. Д. Лысенко является, по моему мнению, совершенно необоснованным и искажающим истинное положение вещей. Освобождение дарвинизма от имеющихся в нем ошибочных сторон, вызванных ограниченностью буржуазного мировоззрения Ч. Дарвина, не только не может ослабить эту великую теорию, ставшую важнейшей естественно-исторической основой нашего материалистического мировоззрения, а наоборот, является необходимым условием для ее дальнейшего углубления и развития. Такая задача по плечу только ученым биологам нашей советской страны, где дарвинизм обрел свою настоящую родину и единственно правильную методологическую основу для своего дальнейшего развития — диалектический материализм Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Одной из самых актуальных задач советской биологии является беспощадная борьба с различного рода проявлениями реакционного мalthusизма. Известно, что современная буржуазная наука всячески поддерживает и раздувает мalthusизмские воззрения как в области социологии, так и области биологии. Этим самым она выполняет социальный заказ своего хозяина — империалистической буржуазии, поджигателей новой мировой войны, объявляющих войну естественным состоянием и законом природы.

Профессора Московского университета должны знать об этих задачах, стоящих перед советскими учеными.

Н. ТУРЫН, проф. Ленинградского государственного университета.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

Памятник М. М. Коцубинскому в Виннице

В моей работе над проектом памятника М. М. Коцубинскому мне повсюду неабсолютно впечатлительное и встрече с великим украинским писателем. Это было в 1911-12 гг., вскоре после его возвращения с острова Кайя, где он гостил у М. Горького. Навсегда остался в моей памяти образ этого прекрасного борца за дело народа. Корону венчала сияющая улыбка М. М. Коцубинского: высокая, худая фигура, большие обаятельные голубые, сверкающие глаза.

«Полемический» доклад проф. Д. Тмарченко

В понедельник 8 декабря 1947 года в Большом зале Центрального дома литераторов состоялся, как об этом было сообщено в пригласительных билетах, «полемический доклад» проф. Д. Тмарченко «Разработка проблем социалистического реализма в советской критике последних лет». Собравшиеся, — их было не менее 100 человек, включая с'ехавшихся в Москву из других городов критиков и литераторов, — в течение шести часов слушали сообщение проф. Д. Тмарченко. Присутствующие имели все основания полагать, что в эти дни, когда литературная общественность горячо обсуждает статью по вопросам литературы, опубликованную в нашей прессе («Культура и жизнь», «Правда», «Литературная газета»), комиссия по теории литературы и критики, призванная быть средоточием литературно-критической мысли, сделает все, чтобы отклониться на эти статьи. Теоретичность замысла Д. Тмарченко сама по себе не вызывает возражений. Ибо и в теоретическом разрезе можно было подвергнуть рассмотрению вопросы, всех сейчас интересующие.

Но, увви, ожидания собравшихся были жестоко обмануты. В течение шести с лишним часов докладчик схоластически теоризировал на тему о том, какой именно период в истории нашей литературы следует считать начальным для возникновения метода социалистического реализма. Что же это «полемический» его доклад, то она свелась к тому, что он без достаточных для того оснований подверг критике все существовавшие по этому поводу мнения.

Бесстрастно, с обстоятельностью, заслуживающей лучшего применения, Д. Тмарченко, невзирая на беспрестанно убывающее число слушателей, приваил одну за другой общезвестные цитаты.

Трудно сказать, возникнет ли по поводу доклада Д. Тмарченко дискуссия, которая по замыслу устроителей должна была развернуться. Но если она и возникнет, то не благодаря докладу Д. Тмарченко, а вопреки его усилиям отвлекать внимание собравшихся от насущных вопросов в область бесплодного теоризирования.

Винуют во всем этом, разумеется, не только докладчик. Круг его интересов и возможностей, в сущности, был известен и до понедельника 8 декабря. Но вот комиссия по теории литературы и критики обязана была предусмотреть то, что произошло. Впрочем, к сожалению, эта комиссия отличается во всех острейших вопросах современной литературной жизни чрезвычайным спокойствием и «немешательством». Руководство Союза писателей должно решительно пересмотреть всю работу критической комиссии, признать эту работу идейно-политическим содержанием и духом боевой партийности.

НОВОЕ БЮРО СЕКЦИИ ПОЭЗИИ

Состоялось отчетно-выборное собрание членов бюро секции поэзии Союза советских писателей.

С отчетным докладом выступила В. Инбер. Собрание признало работу бюро удовлетворительной.

Избрано бюро секции поэзии в составе: С. Шипачев (председатель), А. Коваленков (секретарь), М. Алигер, П. Антокольский, А. Безыменский, С. Висельев, П. Воронько, Е. Доматовский, А. Жаров, В. Инбер, С. Киселев, В. Абелев-Кумач, М. Луконин, В. Перлов, А. Софронов, А. Тарасенков и А. Твардовский.

«ЗНАМЯ» № 12

В журнале «Знамя» опубликована романа В. Пановой «Буржуазия и демократия». Авторская «Родина и женщина» помы А. Софронова «Слово Сталина», рассказ В. Матова «Митя» и стихи М. Алигер, П. Воронько, Е. Доматовский, А. Жаров, В. Инбер, С. Киселев, В. Абелев-Кумач, М. Луконин, В. Перлов, А. Софронов, А. Тарасенков и А. Твардовский.